

25.06.95

Лем Станислав

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Со знаменитым
писателем
Станиславом
Лемом
беседует
собкор «МН»
Валерий Мастеров

Получить приглашение от Лема граничит с чудом: о том, как он сопротивляется всему, что отвлекает от работы, ходят легенды. Впрочем, стоит хоть раз увидеть вышедшего встречать вас улыбающегося Станислава Лема на пороге его особняка на окраине Кракова, и вы забываете раз навсегда и слухи о мрачном затворнике, и предисловия о «признанном классике современной научной фантастики». Передо мной во всяком случае возник человек, с первых слов сумевший создать атмосферу давнего личного знакомства.

«Очень злые собаки», о которых предупреждала табличка на калитке, оказались пятью дружелюбными таксами («Особенно их любит жена, а я так, терплю, — комментирует Лем. — Живут себе, ну и ладно»). Пока поднимались по деревянной лестнице-трапу, соединяющей этажи-палубы, уставленные сплошными стеллажами книг, я спросил, сколько в доме этажей. «Никогда не считал», — на ходу ответил писатель и показал на одну из полок: «Давайте лучше о книгах...» Я раскрыл наугад, оказалось, «Солярис».

— ...Эта книга, из-за которой мы здорово поругались с Тарковским, — говорит Лем. — Я просидел шесть недель в Москве, пока мы спорили о том, как делать фильм, потом обозвал его дураком и уехал домой.

МН: А в чем было дело?

— В том, что Тарковский в фильме хотел показать, что космос очень противен и неприятен, а вот на Земле — прекрасно. Но я-то писал и думал совсем наоборот. Кстати, в союзниках у меня были первые советские космонавты — доктор технических наук Константин Феоктистов и врач Борис Егоров. Им фильм тоже не понравился.

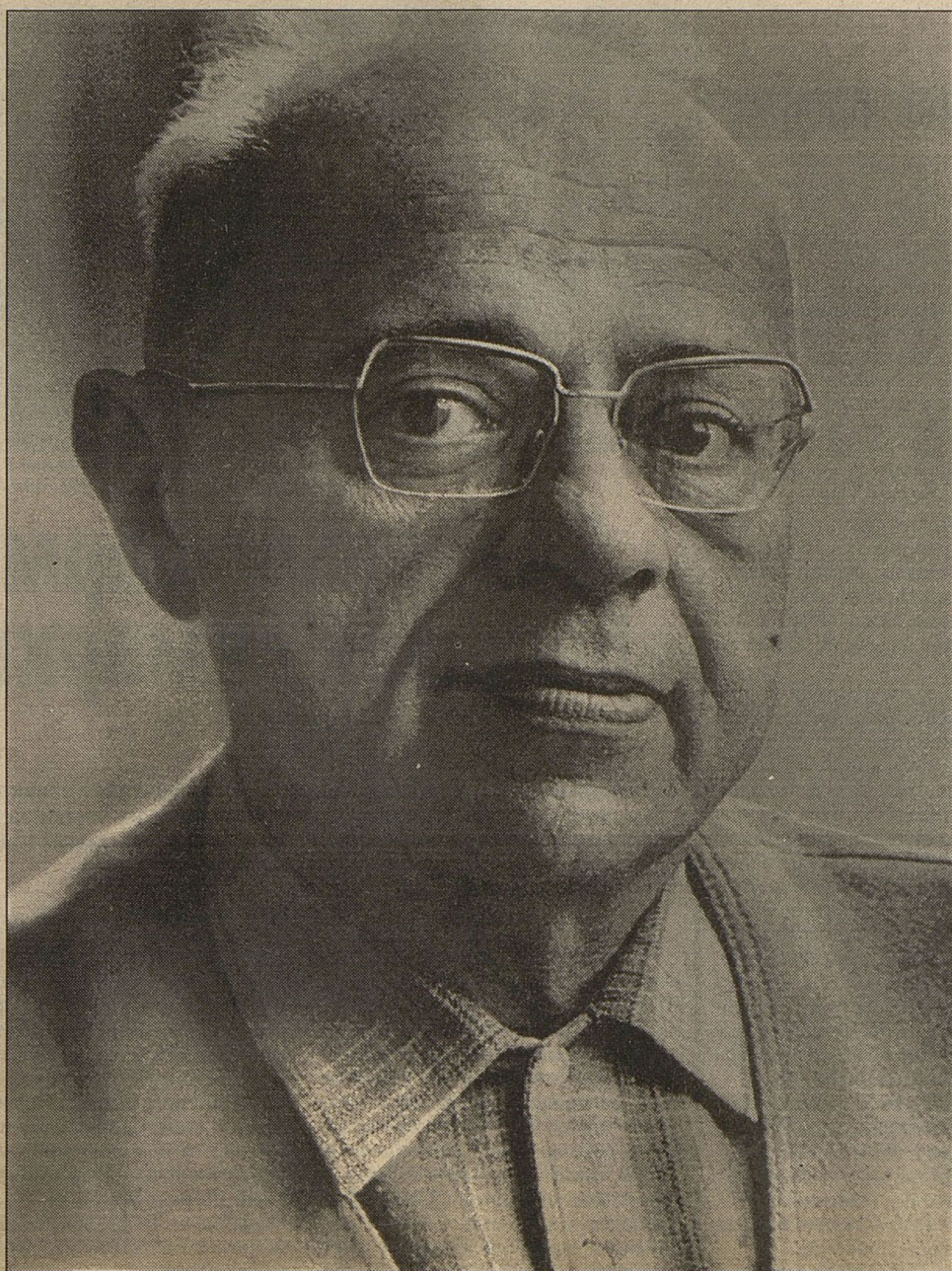
МН: Если не ошибаюсь, фильм Тарковского все же был хорошо принят зрителями в 70-е годы. А что бы вы добавили к нему уже в качестве публициста, стоящего на пороге XXI века?

— Вы думаете, я так хорошо помню все свои книги? Если бы я их знал наизусть, то выпядел бы как Большая Советская Энциклопедия... Да и вообще как долго человек может писать книги? Мне 74 года, я написал 40 книг, издаю меня сейчас больше, чем когда-либо. Главное в моем положении — вовремя остановиться.

МН: Но вы же не перестали писать?

— Я переключился на философию информатики, охотно беру за публицистику, а вот к беллетристике больше не тянет.

Это, впрочем, не значит, что я перестал думать о том, о чем думал всегда, — о будущем. Я много думаю о грядущем столетии, и боюсь, ничего хорошего в нем не будет. Страшно сказать, но существование Советского Союза было своего рода предохранительным клапаном для мира, в котором главное противостояние Восток — Запад (или Соединенные Штаты — советская империя) сковывало или сводило на нет все остальные. А теперь одновременно идет, наверное, сорок или пятьдесят войн, причины которых мало кто толком и объяснить-то сумеет. Я уж не говорю о террористах, которые то убивают заринном, то расстреливают ни в чем не повинных людей. При демократии, конечно, больше сво-

...Жизнь так ускорила, что будущее стало трудно предвидеть...

боды, но подтверждается это, к сожалению, в первую очередь криминальной статистикой.

МН: Это вы и имели в виду, когда недавно писали, что «падение империи зла историками приходящего века будет названо глобальной катастрофой»?

— Речь идет о довольно сложном явлении. Никто и не подозревал, что в мире таится такое огромное количество разных конфликтов, пока они подавлялись противостоянием сверхдержав. Теперь каждый может во весь голос высказать свои амбиции; вы посмотрите, сколько сразу появилось разных жирновских, которые вооружились сумасшедшими идеологиями и твердят, будто знают, как надо поступать в ситуациях, выхода из которых в действительности не знает никто. Чем сложнее ситуация в мире, тем меньше умных людей хотят заниматься политикой, зато тем, кому море по колено, хоть отбавляй. А все не так просто. К тому же скорость жизни и перемен, часто идущих неизвестно откуда, очень затрудняет предвидение будущего. Знаете, еще в начале 60-х я был в Москве у покойного теперь астрофизика и радиоастронома Иосифа Шкловского. Собравшихся у него ученых он попросил написать, что будет через год. Я написал: «Будет то же самое, что и сейчас, только хуже». А ведь так и выходит: разве скажешь, что все идет к лучшему?

МН: Герой вашего «Футурологического конгресса» объясняет, почему он хочет убивать, — потому что «взбудоражит совесть планеты может только ужасающий поступок...»

— Увы, теперь слишком много людей, которые хотят таким образом взбудоражить чью-нибудь совесть. Только неизвестно, что они будоражат на самом деле. Вообще в мире развелось столько соперничающих между собой сект, что, боюсь, в будущем столетии человечество ожидает религиозные войны. Люди перевоплощаются на глазах: они убивают друг друга, не успевая даже задумываться: а зачем?..

МН: Вам приятна репутация футуролога, знающего о будущем гораздо больше простого смертного?

— Я отношусь к этому совершенно нейтрально. Ведь когда я занимался футурологией, меня

интересовало только то, что называется «протеевской стороной ума человеческого», то, что он реально может постичь: компьютеры, искусственный интеллект, атомная энергия... А меня просят гадать: что будет? как будет?

Однажды, к примеру, ко мне обратился Михаил Горбачев. От имени фонда написал очень приятное письмо и попросил сделать какой-либо прогноз. Я ответил, понятно, размышлением о том, что считаю сегодня главным: под человечество заложена демографическая бомба, 40 тысяч детей умирают от голода ежедневно. Словом, написал, что считаю необходимым поставить под контроль естественный прирост населения, так как Земля не сможет вместить 10 — 12 миллиардов жителей в 2030 году, это будет ужасно и опасно практически для всех нас... Увы, к тому времени, как дошел мой ответ, Ельцин успел отобрать у Горбачева «ЗИЛ», выдвинув взамен «вольту», а заодно и вытеснил первого президента СССР из просторного здания... Не хочу выстраивать никакой философии, но этот случай довольно много говорит об отношении футурологии с реальной жизнью.

Или другой пример. На вопрос немецкого телевидения «Что будет?» я отвечал так: Германия будет окружена голодающими почти всего мира, которых начнет отторгать. А мы все будем делать вид, что этого как будто и нет. Знаете, при всей свободе печати в Поль-

ше я нигде не могу прочитать то, что думаю.

МН: Что вы думаете о сегодняшней польской политике?

— Нынешние посткоммунисты — единственные люди, которые не скажу, что хорошо, но все-таки научились управлять страной. «Солидарность» имела только благие намерения, но что с ними делать, никто не знал. Наилучшая политика для поляков сегодня — это сделать так, чтобы безработица была минимальной и можно было бы уверенно говорить о завтрашнем дне. Причем мы не одиноки. Американцы, к примеру, хотят того же. Теперь главное — деньги, а это, боюсь, не лучший из возможных двигателей прогресса... Впрочем, на всякий случай уточню: никогда ни в какой партии не состоял и состоять не буду. Мне интересна судьба человечества, а не политическая игра.

МН: Судя по тому, что вы говорите, для человека опасно все, в том числе и развитие цивилизации?

— Всякий прогресс имеет свою оборотную сторону. Но при этом нельзя говорить, как мы долго делали, что в коммунистических странах атомы имеют положительный заряд, а в капиталистических — отрицательный. Мне не хочется и не хотелось никогда писать черные сценарии или черные романы, предсказывать, что человечеству каюк и что он настанет к такой-то дате. Но я, к сожалению, не могу не видеть, что опасностей довольно много, а реального взаимодействия по их предотвращению почти нет. К примеру, ООН беспомощна в бывшей Югославии, нефть и газ в обозримом будущем могут иссякнуть, атом вовсе не так безобиден, как считали в 60-е. Впрочем, я бы сказал осторожнее: человечество, конечно, как-то приспособится и выживет дальше, но это будет стоить огромных жертв. Желательно, чтобы жертв было меньше.

МН: В свое время вы говорили, что будущее мира будет во многом зависеть от Советского Союза. О России вы могли бы сказать что-то подобное?

— Россия все еще на перепутье. Неизвестно, какую из дорог она выберет. Вот если бы вы спросили меня о Польше, я бы сказал, что очень доволен тем, что у нас сегодня творится. Ведь могло быть еще хуже.

МН: Вы не опасаетесь, что телевидение вытеснит литературу?

— Нет, не боюсь. У меня сорок четыре спутниковые программы, но что творится в политической жизни Польши, мне неинтересно, потому что не имеет никакого значения: ну что с того, что поляки думают, что являются пупом земли? Меня больше занимают глобальные проблемы, а не то, что происходит в варшавских коридорах власти. Мне совсем неинтересно, что заявляет Валенса и как реагирует на это Олексы.

МН: Однако повсюду в мире за телевидение идет жесткая политическая борьба. В том числе и в Польше...

— Ну и что из того, если 90 процентов всех телепередач — глупости? А что касается влияния, то я не являюсь поклонником Валенсы, и телевидение меня им не делает. Голоса моего он не получит. Не знаю, правда, кому этот голос отдать.

МН: Вы не можете не замечать напряженности в польско-российских отношениях: что ни контакт на уровнях властей, что ни повод — то электрические разряды. Неужели прошлое сильнее будущего?

— Во-первых, я не боюсь никакого вторжения русских войск, потому что у вас полно своих забот, зачем вам еще и наши? Во-вторых, для того чтобы это поняли и другие поляки, следовало бы перевести на польский хотя бы несколько современных российских книг последних лет. Но издательства у меня нет, как и рычагов влияния на издателей. Как это сделать, я не знаю...

МН: Но ведь кишиневские прилавки в Польше сгибаются от тяжести...

— Да, но что на них давит? Мой сын окончил Принстонский институт, изучал там теоретическую физику, вернулся с дипломом. Но преподаванием физики не проживешь, и польские физики сегодня переводят идиотские романы с английского. Сыну еще повезло — он переводит американскую фантастику...

ДОСЬЕ «МН»

Станислав Лем — польский писатель-фантаст. Родился 12 сентября 1921 года во Львове в семье врача. Во время второй мировой войны работал автомехаником, участвовал в движении Сопротивления. Учился во Львовском мединституте. После войны переехал в Краков, где окончил медицинский факультет университета. Работал при кафедре психологии, занимался историей и теорией науки (метанаука), сотрудничал в редакциях научно-популярных журналов.

Литературную деятельность начал в 1946 году, выступал со стихами, рассказами. В 1950 году опубликовал роман «Непотерянное время» — о Львове в период фашистской оккупации. Первый научно-фантастический роман Станислава Лема «Астронавты» увидел свет в 1951 году. Затем автор пишет роман-утопию «Магелланово облако» (1955), после чего полностью посвящает себя научной фантастике. Наиболее известные произведения: «Эдем», «Солярис», «Возвращение со звезд», «Дневник, найденный в ванне», «Сказки роботов», «Кибериада», «Непобедимый».

Член ПЕН-клуба. Произведения Лема переведены на тридцать языков.